

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Москвитин В.А. За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.74146 EDN: KOLIJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74146

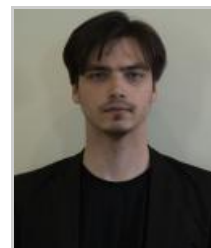
За пределами алгоритмов: Философская критика Хьюберта Дрейфуса

Москвитин Валерий Александрович

ORCID: 0009-0003-7642-6198

преподаватель; кафедра Б5 «Теоретическая и прикладная лингвистика»; «Балтийский государственный технический университет „ВОЕНМЕХ“ им. Д.Ф. Устинова»
аспирант; кафедра Б4 «Философия и история России»; «Балтийский государственный технический университет „ВОЕНМЕХ“ им. Д.Ф. Устинова»

190005, Россия, г. Санкт-Петербург, Адмиралтейский р-н, ул. 1-я Красноармейская, д. 1/21

✉ moskvitin_va@voenmeh.ru

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.74146

EDN:

KOLIJB

Дата направления статьи в редакцию:

18-04-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена философскому анализу критики, выдвинутой Хьюбертом Дрейфусом в адрес традиционных концепций искусственного интеллекта (ИИ). Основное внимание уделяется детальному изложению аргументации Дрейфуса, касающейся принципиальных ограничений символического подхода в ИИ, который редуцирует человеческое мышление к формализованным алгоритмическим структурам. В рамках исследования рассматриваются ключевые работы Дрейфуса, такие как «Alchemy and AI», «What Computers Can't Do», «Mind Over Machine», а также его обращение к феноменологической традиции, представленной Хайдеггером и Мерло-Понти. Особое внимание уделяется критике рационалистических предпосылок, на которых основывается современный ИИ. Исследование акцентирует внимание на утверждении Дрейфуса о том, что человеческий интеллект не может быть сведён к вычислительным системам, что обусловлено важностью бессознательных механизмов, телесного опыта и социокультурного контекста в процессе познания. Методология включает философский

анализ ключевых работ Дрейфуса, деконструкцию рационалистических и функционалистских концепций ИИ, сравнение символического подхода с альтернативными парадигмами (нейронные сети, теория воплощённого познания). Используются герменевтические и феноменологические методы для раскрытия онтологических и эпистемологических основ критики. Научная новизна данного исследования проявляется в глубокой систематизации и теоретическом осмыслении критических позиций Х. Дрейфуса, направленных против традиционных парадигм классического искусственного интеллекта. Анализируется его пятиступенчатая модель освоения навыков — путь от новичка к эксперту — которая раскрывает трансформацию когнитивных процессов от формализованного алгоритмического мышления к интуитивно обусловленному пониманию. Обоснована принципиальная неформализуемость здравого смысла и профессионального мастерства, которые имеют свои корни в телесно-ориентированном опыте и историко-социальной аккультурации субъекта. Сделанный вывод акцентирует необходимость сдвига исследовательских приоритетов в области ИИ с чисто символических методов на гибридные когнитивные системы, способные интегрировать экзистенциальные, культурные и эмпирические измерения человеческого бытия. Критический дискурс Дрейфуса побуждает к переосмыслению технократических практик создания интеллектуальных систем и стимулирует введение философских категорий и методологий в ядро разработки будущих интеллектуальных технологий.

Ключевые слова:

Хьюберт Дрейфус, искусственный интеллект, феноменологическая критика, символическая парадигма, рационалистический редукционизм, нейронные сети, телесность, технократическая критика, дрейфусовская модель, философия техники

Ход исследования

Хьюберт Дрейфус, выдающийся американский философ, представляющий феноменологическую традицию, в своих работах, таких как «Alchemy and AI» [\[1\]](#), «What Computers Can't Do» [\[2\]](#) и «Mind Over Machine» [\[3\]](#), развивает ряд аргументов, которые ставят под сомнение возможность создания полноценного искусственного интеллекта (ИИ). Дрейфус утверждает, что человеческое мышление и интеллектуальное поведение в значительной степени основаны на бессознательных инстинктах, а не на сознательной обработке символической информации. Он подчеркивает, что эти бессознательные когнитивные способности, присущие человеку, по своей природе не могут быть адекватно встраиваемы в машинные системы через формализованные правила.

Дрейфус выдвинул аргумент, утверждающий, что человеческий интеллект и профессиональное мастерство в значительной степени опираются на бессознательные механизмы, а не на осознанную символическую обработку. Он акцентировал внимание на том, что эти неявные навыки невозможно полностью выразить через строгие формальные правила.

Критический анализ, проведённый Дрейфусом в контексте искусственного интеллекта, основывается на тщательном исследовании рационалистических эпистемологических предпосылок, которые служат основой для современного понимания человеческого интеллекта. Руководствуясь своей позицией, Дрейфус акцентирует внимание на несостоятельности рационалистической концепции, утверждающей, что человеческое понимание и интеллект могут быть сведены к формальным алгоритмическим процессам.

Дрейфус подчеркивает, что понимание, в отличие от простого сенсорного восприятия, связано с абстрактными идеями или универсалиями, обладающими вневременной и исторической значимостью. Эти идеи находятся вне зависимости от конкретных обстоятельств и контекстов, что ставит под сомнение возможность моделирования человеческого интеллекта с использованием алгоритмических принципов, основанных на формализме.

В рамках деконструкции функционалистских концепций, Дрейфус акцентировал внимание на несводимости ментальной деятельности к формализованной обработке символьных репрезентаций. В противовес доминирующим когнитивистским моделям, трактующим ум как информационно-обрабатывающее устройство, реализующее алгоритмические трансформации данных на основе детерминированных правил, Дрейфус, придерживаясь феноменологической перспективы, постулировал, что значительная часть человеческого знания конституируется не совокупностью эксплицитных декларативных утверждений, а сетью предпониманий, телесных навыков и контекстуальных ориентаций. Интерпретация мира осуществляется не посредством абстрактных символов, а на основе имплицитного, фонового горизонта здравого смысла, который принципиально не поддается репрезентации в форме дискретного набора фиксированных знаков. Следовательно, символическая модель знания утрачивает свою внешнюю валидность, если абстрагируется от экзистенциального контекста, в котором сам символизм обретает возможность.

При анализе более широкой философской проблемы формализуемости знания, Дрейфус ставит под сомнение одну из центральных предпосылок — веру в то, что любое знание, независимо от его происхождения или структуры, может быть выражено в строгих рамках формальной системы. Эта идея, поддерживаемая такими исследователями, как Джон Маккарти [\[5\]](#), основывается на принципах эпистемологического универсализма, который предполагает, что любое существующее знание может быть представлено через набор символов, подлежащих логическому анализу. В отличие от этого, Дрейфус подчеркивает, что значительная часть человеческой способности ориентироваться в мире проявляется не в декларативных знаниях, а в повседневной, телесно-воплощённой и контекстуально-определённой мудрости, которая принципиально недоступна полной формализации. Его концепция акцентирует внимание на знании как деятельностном процессе, встроенном в практику, а не имеющем универсальные аксиоматические свойства, которые могли бы быть выведены из него [\[4\]](#).

Фундаментальным основанием различных концептуальных построений, выявленных Дрейфусом, выступает глубокая онтологическая предпосылка, утверждающая возможность абсолютного выражения сущего посредством дискретных сущностей, характеризующихся определёнными свойствами и формально зафиксированными отношениями между ними. Такая когнитивная парадигма, исторически восходящая к новоевропейской метафизике и получившая своё дальнейшее развитие в рамках аналитической философии двадцатого столетия, постулирует способность бытию целиком подчиняться процессу символизации, означающего превращение любого феномена в объект точного научного осмысления, строгого категориального членения и чётких формализованных репрезентаций. Однако, основываясь на наследии экзистенциализма, особенно выраженном в трудах Мартина Хайдеггера [\[16\]](#), Хьюберт Дрейфус подвергает критике данную фундаментальную установку, определяя её как иллюзорную метафизику. По мнению Дрейфуса, человеческое существование нельзя свести лишь к позиции пассивного созерцателя внеположенного универсума, поскольку человек является существом, изначально погружённым в структуру самого существования, вследствие

чего полное отстранённое познание вещей, частью которых он сам оказывается, становится невозможным. Это критическое переосмысление пределов познавательной способности ведёт не только к сомнению относительно перспектив реализации полноценного искусственного интеллекта, но также радикально ограничивает амбициозность человеческих рациональных усилий в целом.

Хьюберт Дрейфус не отвергает возможность анализа человеческой активности — или любой другой — через призму определённых законов, аналогично тому, как можно воспринимать реальность как совокупность атомарных фактов в случае принятия данного подхода. Тем не менее, он указывает на то, что переход от этой условной интерпретации к утверждению о наличии объективной истины является неоправданным и логически проблематичным. Дрейфус акцентирует внимание на том, что такие предпосылки не обладают универсальной истинностью, и, как следствие, любое исследовательское направление, строящее свои выводы на данной основе, неизбежно столкнётся с основательными теоретическими и практическими вызовами. В результате, он утверждает, что современные усилия в сфере искусственного интеллекта подвергаются риску неудачи именно из-за своего уязвимого теоретического фундамента.

В своей критике классической парадигмы искусственного интеллекта, опираясь на герменевтическую феноменологию и экзистенциальную онтологию, Дрейфус оспаривает редукционистскую идею о возможности создания подлинно мыслящих машин исключительно посредством символической обработки информации или моделирования формальных когнитивных структур. Он постулирует, что репликация человеческого мышления неразрывно связана с реконструкцией целостного онтологического контекста, конституирующего бытие человека. Данная перспектива имплицитно предполагает три фундаментальных условия, каждое из которых коренится в фундаментальных проблемах философии техники, антропологии разума и онтологии.

Философ утверждает, что создание устройств с интеллектом, аналогичным человеческому, потребовало бы надделения их:

- 1) Человекоподобным бытием-в-мире (термин Хайдеггера) [\[16\]](#),
- 2) Телом, сходным с человеческим,
- 3) Социальной аккультурацией (т.е. обществом, подобным нашему).

Дрейфус, интерпретируя хайдеггеровское понятие *Dasein*, акцентирует внимание на том, что мыслительный процесс и познание не представляют собой изолированные внутренние явления, а разворачиваются как формы бытийной вовлеченности индивида в окружающий мир. Человеческий интеллект коренится в экзистенциальной данности, в дофеноменологическом аспекте открытости миру, где понимание предшествует теоретическому отображению реальности. Таким образом, для воспроизведения человеческого интеллекта недостаточно лишь моделировать когнитивные функции — необходимо надделить машину способностью быть-в-мире. Это выражается в экзистенциальной соотнесенности с окружающим контекстом, восприятием не через символы, а через телесное присутствие и прагматическое вовлечение в конкретные условия.

Данное явление иллюстрирует переход от картезианской модели субъекта, рассматриваемого как мыслящая субстанция, к онтологии воплощённого сознания. В этой новой парадигме интеллект рассматривается не как изолированный продукт чистого разума, а как результат взаимодействия с миром. Познание происходит не в замкнутом

пространстве ума, а в процессе динамического взаимодействия субъекта с бытием. Это представляет собой радикальный сдвиг от репрезентационизма к онтологической герменевтике, где акцент смещается на интерпретацию и понимание в контексте существования. В рамках философии техники такая позиция выступает в качестве критики техно-наивности, которая предполагает возможность простого «программирования» интеллекта, игнорируя сложность и многогранность взаимосвязей между человеком и окружающей средой.

Вторым основополагающим условием, выдвигаемым Дрейфусом, является наличие у интеллектуального агента тела, сопоставимого с человеческим. В данной парадигме тело рассматривается не просто как носитель разума, а как первостепенный механизм, позволяющий ориентироваться в окружающем мире. Оно не является вторичным по отношению к разуму, а выступает его онтологической предпосылкой. Процессы познания, восприятия и интенциональности, а также логические структуры глубоко укоренены в телесной моторике и сенсомоторной взаимосвязи с объектами, что подразумевает «понимание через действие». Таким образом, тело становится неотъемлемой частью когнитивных процессов, формируя их основу и определяя способы взаимодействия с миром.

В соответствии с данной концептуальной рамкой, машинная система, лишенная телесного опыта, не обладает потенциалом для достижения аутентичного понимания реальности, ограничиваясь исключительно манипуляцией абстрактными символическими репрезентациями. Перцепция мира человеком фундирована на телесном опыте, посредством которого осуществляется дифференциация существенного и несущественного, а также устанавливается прагматическая значимость объектов. В этой связи, философия техники, исследуя перспективы конструирования сильного искусственного интеллекта, должна учитывать не только алгоритмические возможности, но и проблему телесного воплощения как фундамента конституирования любой значимости.

В заключение, Дрейфус акцентирует внимание на важности социализации будущего интеллектуального агента в контексте общества, структурно сопоставимого с человеческим. Он поднимает вопрос о том, что разум не развивается в условиях изоляции, а формируется в процессе социализации, который осуществляется через культурные практики, языковые взаимодействия, социальные нормы и обычаи — явления, охватываемые понятием аккультурации в антропологии. Таким образом, интеллект следует рассматривать не только как результат биологических или когнитивных процессов, но и как продукт социального становления, представляющий собой итог интернализации культурных форм и нормативных моделей поведения.

С точки зрения технизации науки ИИ следует рассматривать в контексте их неразрывной связи с культурной средой, которая формирует сознание и познавательную деятельность. Создание искусственного интеллекта невозможно без учета глубоких смысловых матриц, социальной истории и трансцендентного контекста, которые служат основой для интенциональных актов. В этой связи разработка машинного интеллекта представляет собой не только чисто инженерное задание, но и комплексную антропологическую и культурную проблему. Технологические достижения должны быть интегрированы в культурный контекст, а не изолированы в рамках логико-математических систем; это подчеркивает необходимость учета человечности в процессе создания и применения технологий.

Дрейфус разрушает миф о том, что разум можно выстроить из чисто абстрактных

компонентов. Он подчеркивает, что ум представляет собой бытийное качество, глубоко укорененное в теле, культурно структурированное и экзистенциально обусловленное. В контексте философии техники это выступает в качестве критики технократического редукционизма, который ограничивает интеллект рамками вычисляемого. Философия науки в этом аспекте предостерегает: любое знание о процессе мышления должно быть уравновешено той глубиной существования, которую оно стремится охватить. Иначе, технологии, пытающиеся имитировать разум, окажутся лишь симулякрами — математическими призраками, лишенными реального мира.

Дрейфус обосновал необходимость смещения фокуса в области искусственного интеллекта от формализации разумного поведения к автоматизации процессов, позволяющим нейронным сетям осуществлять обучение для различения образов и адекватной реакции на них. Он заметил, что создание устройства, способного эффективно выполнять это поведение, представляет собой значительно более сложную задачу. В своей аргументации он утверждал, что аксиоматизация физической системы и последующее аналитическое исследование её поведения являются осуществимыми и продуктивными процессами; напротив, аксиоматизация самого поведения и разработка физической системы на основе логического синтеза представляет собой значительно более трудоемкую и сложную задачу.

Следует подчеркнуть, что Дрейфус акцентирует внимание на приоритете практического, повседневного бытия и мышления по сравнению с теоретическим на уровне анализа, опираясь при этом на формально-логическую аргументацию. Это создает парадоксальную эпистемологическую ситуацию, в которой более глубинная природа одной структуры обосновывается средствами другой структуры, воспринимаемой в данном контексте как второстепенная и производная. Следовательно, данный эпистемологический парадокс может служить основой для сомнений как в обоснованности аргументации Дрейфуса, так и в самой позиции, занимаемой в рамках теоретической философии [\[12\]](#).

Дрейфус выдвигал критические замечания относительно целей и методов, применяемых в ИИ, подчеркивая, что они пронизаны рационалистическим пониманием интеллекта, которое на протяжении веков поддерживалось многими философами этого направления. В то время как Дрейфус сам склонялся к антиррационалистическим взглядам XX века, представленным работами таких мыслителей, как Хайдеггер, Мерло-Понти [\[14\]](#) и Витгенштейн, он акцентировал внимание на том, что наиболее глубокое познание возникает не через рациональные вычисления, а через интуитивное восприятие. По мнению Дрейфуса, на начальных этапах профессионального обучения индивид действительно следует установленным правилам и предписаниям. Однако по мере накопления опыта и повышения мастерства его интеллектуальные процессы начинают опираться не на формализованные алгоритмы, а на эмпирические рекомендации и интуитивные решения, вытекающие из неформализуемого жизненного опыта. Таким образом, Дрейфус подчеркивает важность интуитивного понимания и эмпирического опыта в процессе освоения профессии, что ставит под сомнение доминирование рационалистических подходов в искусственном интеллекте [\[7\]](#).

Рационалистический подход в области искусственного интеллекта, как утверждает Дрейфус, наглядно проявляется в символическом ИИ, который редуцирует интеллектуальные процессы к манипуляциям с информацией в символической форме. Он подчеркивает, что такая редукция игнорирует значимость бессознательных и контекстуально зависимых практик, которые играют ключевую роль в человеческом

познании и не поддаются полной формализации.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что критика Дрейфуса в значительной мере сосредоточена на символических методах, применяемых в области искусственного интеллекта. На протяжении последних десятилетий научное сообщество активно развивает гибридные интеллектуальные системы, которые объединяют символическую парадигму с альтернативными подходами, такими как нейронные сети, эволюционные алгоритмы и модели, основанные на теории воплощённого познания. Эти новые системы предполагают иную интерпретацию интеллекта, которая выходит за рамки строгого анализа, предложенного Дрейфусом.

Во-вторых, критический подход Дрейфуса ярко выражает скептицизм, что обусловлено как его философскими убеждениями — в частности, влиянием позднего Хайдеггера и феноменологии, так и историческим контекстом его деятельности. Его работы были созданы в период, когда интерес к искусственному интеллекту достиг своего пика, а критические взгляды на научные основы данной области оставались относительно маргинальными. В современных условиях, характеризующихся более прагматичным подходом к ИИ, его аргументы могут восприниматься как излишне категоричные, особенно с учётом частичных успехов новых технологий, которые формируют динамику исследовательских устремлений в данной сфере.

Центральный вектор критики Хьюберта Дрейфуса направлен на деконструкцию четырех фундаментальных априорных постулатов, конституирующих теоретический фундамент научных исследований в области искусственного интеллекта (ИИ). Первые два принципа квалифицируются исследователем как биологический и психологический, соответственно. Биологический принцип предполагает редукцию функциональности мозга к механизму вычислительной машины, а сознание интерпретируется как специфическая форма программного обеспечения, реализующего детерминированные инструкции. В рамках психологического принципа доминирует идея репрезентации мыслительных процессов как последовательности дискретных операций, организованных в соответствии с алгоритмическими правилами, оперирующими отдельными знаково-семантическими структурами.

Вторые два принципа в соответствии с мыслью Дрейфуса, имеют две основные установки: эпистемологическую и онтологическую. Первая установка предполагает, что любой аспект человеческой деятельности может быть представлен в виде чётко определённых и строго структурированных процедур, оформленных в рамках математического и формально-логического языка. Вторая установка, в свою очередь, постулирует существование реальности, составленной из множества изолированных элементарных сущностей, обладающих постоянством и автономией.

В своих ключевых трудах, особенно в «What Computers Can't Do», Хьюберт и Стюарт Дрейфусы формулируют одну из наиболее глубоких и философски аргументированных критик концепции сильного искусственного интеллекта. Центральный аспект их критики заключается в утверждении о принципиальной ограниченности вычислительных систем в овладении знаниями, связанными с повседневным здравым смыслом, а также об их неспособности к аутентичному интуитивному суждению. На взгляд авторов, корень проблемы не локализован в технических недостатках, а лежит в онтологических и эпистемологических основаниях символической парадигмы искусственного интеллекта. В этой перспективе Дрейфусы вводят концепцию градуированного освоения навыка, первоначально разработанную в практическом контексте обучения пилотов и операторов, однако позднее трансформировавшуюся в философскую критику

редукционистского понимания ИИ. Дрейфусовская модель приобретения навыков включает пять ступеней мастерства: новичок, продвинутый новичок, компетентный, продвинутый и эксперт, раскрывая тем самым динамику перехода от ригидного следования правилам к интуитивному и ситуативно адаптивному поведению [\[6\]](#).

Рассмотрим каждую ступень:

1. Новичок

На данной стадии познания знание представляется как совокупность независимых и строго определённых правил, предназначенных для применения в чётко очерченных ситуациях. Индивид на этом уровне не обладает способностью к ситуационному анализу; он следует предписаниям с абсолютной точностью, лишённый возможности интерпретировать информацию. Интеллект в этом контексте функционирует как чисто символическая операция, схожая с алгоритмической обработкой данных.

С точки зрения научной технизации, этот уровень соответствует классической логико-рационалистической модели: субъект (или машина) действует как автомат, опираясь на внешние инструкции. Данный этап может быть наиболее эффективно смоделирован в рамках искусственного интеллекта, однако он не охватывает даже элементарные аспекты адаптации к новым условиям. На этом уровне отсутствует интенциональность в феноменологическом смысле: мир воспринимается не как значимый контекст, а лишь как набор входных данных и выходных результатов.

2. Продвинутый новичок

Субъект демонстрирует зачатки контекстуализированного восприятия, сопоставляя текущие обстоятельства с ограниченным, но уже имеющимся опытом. Применение правил приобретает гибкий, ситуативный характер, свидетельствуя о формировании адаптивных механизмов.

С позиции философии науки, данный этап маркирует переход от формально-логической эпистемологии к праксеологической интуиции. Вычислительная система, обученная на обширном наборе данных, способна применять выявленные статистические закономерности, однако, ее функционирование остается вне экзистенциального горизонта. Формируется квази-контекст, лишенный подлинной интенциональности, то есть понимания ситуации как семантически нагруженной. Субъект оперирует с информацией, но не постигает ее смысл.

3. Компетентный

На этапе формирования целей субъект начинает осознавать направление своих действий, что свидетельствует о переходе от простого реагирования к активному оцениванию ситуации в её комплексной целостности. В этом контексте он принимает решения, основываясь на сравнении альтернатив, что в свою очередь порождает момент ответственности за сделанный выбор и инициирует процесс автономного мышления.

Данный этап можно рассматривать как ключевую точку трансформации: он представляет собой переход от детерминированных моделей поведения к феноменологической свободе — способности устанавливать собственные горизонты возможностей. Это явление принципиально выходит за пределы алгоритмических структур: выбор здесь не сводится к простому предпочтению, а становится актом глубокой интерпретации. Ни одно устройство не в состоянии осуществить ответственный выбор, поскольку оно лишь оптимизирует действия в соответствии с заданными критериями, не обладая

способностью к истинной рефлексии.

4. Продвинутый

На данном уровне субъект уже не ограничивается лишь оценкой, но начинает воспринимать ситуацию в её целостности, интуитивно осваивая её значимые аспекты и действуя в отсутствии явного аналитического процесса. Решение возникает не как результат последовательного расчёта, а как нечто, что воспринимается как знакомое и узнаваемое.

В данном контексте Дрейфус обращается к концепции интуиции в духе Бергсона и позднего Витгенштейна [\[9\]](#) — трактуя её не как иррациональное «чувство», а как глубокое единство с окружающим миром. В области техники и искусственного интеллекта такая форма действия принципиально недостижима: машинное восприятие остаётся дискретным и фрагментарным, не обладая способностью к холистическому восприятию ситуации в её значении.

5. Эксперт

Эксперт проявляет себя в действии немедленно, не поддаваясь анализу правил. Его знание представляет собой не просто информацию о чем-либо, а способность находиться в ситуации. Он не производит аналитической интерпретации — он полноценно присутствует в контексте, и его поступки вытекают из глубинной интуитивной сонастроенности с происходящим. Это подлинная форма экзистенциального знания, неотъемлемая от жизненного опыта, телесного бытия, культурного контекста и традиций.

В философии техники это соответствует концепции опыта мастера, согласно Хайдеггеру, который не объясняет свои действия, а непосредственно их осуществляет. Машина, даже самая высокотехнологичная, способна лишь имитировать внешние паттерны поведения, но не в состоянии вовлечься в ситуацию.

Критика редукционизма в концепциях искусственного разума

В свете поднятого Дрейфусом вопроса о принципиальной невозможности редукции человеческого интеллекта к формальным алгоритмическим процессам и символическим репрезентациям, возникает необходимость обратиться к философским и психологическим традициям, которые рассматривают разум не как автономный ментальный механизм, а как динамически развивающуюся социально-историческую форму человеческого бытия. В этом контексте особое внимание следует уделить отечественной культурно-исторической и деятельностной парадигме, представленной трудами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова. Их теоретические конструкции открывают возможность переосмыслить данную проблему с иной, более интегративной и онтологически глубокой перспективы, подчеркивая взаимосвязь между индивидуальным сознанием и социальным контекстом, в котором оно разворачивается.

Лев Семёнович Выготский: интеллект как интериоризированная форма социального взаимодействия

Центральным элементом теории Л.С. Выготского является постулат о том, что высшие психические функции, включая мышление, речь, память, внимание и волю, имеют свои корни в социальной среде и формируются в процессе взаимодействия между индивидами [\[10\]](#). Согласно его концепции, развитие интеллекта не следует рассматривать как изолированное созревание внутренних способностей, а как процесс интериоризации —

преобразование внешней, социально опосредованной активности (например, диалога с другим) в индивидуальную психическую функцию.

Таким образом, разум можно рассматривать как продукт культурных условий, в то время как язык выполняет двойную функцию: он не только служит инструментом для выражения мыслей, но и выступает в качестве основополагающего принципа, формирующего когнитивные процессы. Это обстоятельство ставит под сомнение возможность существования интеллекта вне контекста социальных и семиотических взаимодействий, в которые индивид вовлечен с момента своего появления на свет. В соответствии с рассуждениями Выготского, можно утверждать, что «искусственный интеллект», лишенный социального контекста, не способен к подлинному мышлению, поскольку ему недоступен опыт формирования через диалог, конфликт и совместное творчество с другим.

Интеллект можно рассматривать как комплексную способность, охватывающую планирование, организацию и координацию действий, направленных на достижение конкретных целей. В данном контексте важно отметить, что такое определение также охватывает устройства, обладающие элементами искусственного интеллекта. Тем не менее, познавательные способности человека представляют собой более многослойный конструкт, глубоко связанный с уровнем креативности и компетентностью в поиске рациональных решений. К тому же, ключевыми аспектами человеческого интеллекта являются интуитивное восприятие, изобретательность, находчивость и проницательность. Эти качества подчеркивают уникальность человеческого интеллекта, который выходит за пределы простых вычислительных процессов и механизмов, демонстрируя сложность и глубину человеческого мышления [\[8\]](#).

В этой связи особенно ярко проявляется сходство с аргументацией Хьюберта Дрейфуса: оба мыслителя подчеркивают, что интеллект не может быть редуцирован к ограниченному вычислительному модулю. Тем не менее, если Дрейфус сосредоточивается на критике формалистских подходов и акцентирует внимание на значении телесного и контекстуального опыта, то Выготский делает более глубокий шаг, утверждая, что сам контекст не является нейтральной величиной. Он выступает как культурно опосредованная конструкция, и только в рамках исторически сложившейся системы знаков, норм и смыслов может возникнуть то, что мы именуем разумом. Таким образом, Выготский вводит в обсуждение проблему исторической и культурной обусловленности интеллекта, подчеркивая значимость социокультурного контекста в формировании познавательных процессов.

Алексей Николаевич Леонтьев: сознание как структурный компонент деятельности

Развивая идеи Льва Семёновича Выготского, А.Н. Леонтьев сформулировал концепцию деятельности как ключевой формы бытия и становления сознания. Основопологающим аспектом его теории является утверждение, что «не сознание определяет деятельность, а деятельность формирует сознание» [\[13\]](#). В этом контексте интеллект предстает не как статичное состояние, а как динамический функциональный элемент, встроенный в объективную практику субъекта, направленную на преобразование окружающего мира. Центральными категориями данного дискурса являются цель, мотив, средство, действие и операция — все они формируют смысловое пространство, в рамках которого и формируется разум.

В рамках дискуссии о природе искусственного интеллекта следует отметить, что подлинный интеллект не может существовать вне контекста мотивированной,

целенаправленной и практической деятельности. В отличие от человека, машины не обладают способностью формулировать цели, дифференцировать мотивации и задачи, а также конституировать объект своего действия — их функциональность ограничивается выполнением заранее заданных алгоритмических инструкций. Таким образом, даже наиболее сложные системы машинного обучения остаются внешними по отношению к подлинной человеческой сущности, которая обосновывает свое существование в мире.

Когнитивная сфера человеческого существа не может быть отделена от объективной реальности. Основой каждого аспекта человеческого опыта служит "сенсорная ткань", рождающая знание о мире через восприятие. Сенсорные органы действуют как "информаторы", позволяя получать информацию о внешних стимулах и формируя устойчивое ощущение реальности. Даже при работе с абстрактными концепциями человеческий интеллект остается неразрывно связанным с окружающей средой, и разрыв этой связи приводит к его деградации [\[15\]](#).

Теория деятельности А.Н. Леонтьева вносит существенный вклад в развитие критического дискурса, инициированного Х. Дрейфусом. В то время как фокус Дрейфуса направлен на дорациональную телесную укоренённость человека в мире, теория Леонтьева акцентирует внимание на предметной и мотивированной вовлечённости в систему общественно значимых деятельностей. Вне данной структуры не возникает ни смысл, ни знание, ни разум. Следовательно, воспроизводство интеллекта предполагает не только физическое воплощение (в духе Дрейфуса), но и активную деятельность, обладающую глубокой социальной природой.

Эвальд Васильевич Ильенков: мышление как логика идеального

Эвальд Васильевич Ильенков занимает ключевую позицию в современном философском дискурсе, его идеи о мышлении пронизаны глубокими онтологическими и философскими изысканиями. Он следует концепции, в соответствии с которой мышление представляет собой объективное идеальное, органически связанное с историко-культурным контекстом [\[11\]](#). В противовес субъективному идеализму и редукционистским подходам в материализме, Ильенков настойчиво утверждает, что разум нельзя редуцировать до уровня нейронных процессов, языковых структур или алгоритмических вычислений. Его анализ подчеркивает необходимость учитывать социальные и культурные аспекты, формирующие умственную деятельность, таким образом, предлагая целостный взгляд на природу мышления как сложного явления, не сводимого к простым физиологическим или вычислительным моделям.

Ильенков полагает, что мышление не сводится исключительно к внутреннему процессу отдельной личности, изолированному от внешней реальности. Напротив, оно предстает как сложный механизм трансляции общественных знаний и опыта, воплощенный в виде концептуальных структур, логико-понятийных форматов, нормативных моделей поведения и культурных практик. Согласно его воззрениям, идеальное вовсе не иллюзорная сущность, а особая форма бытия, выраженная именно в социальных отношениях и культурном взаимодействии. Исходя из этого понимания, попытки создать искусственное сознание («мыслящий автомат»), пытающиеся моделировать мыслительные процессы вне контекста культурной среды и общественной практики, неизбежно сталкиваются с глубокими методологическими затруднениями, обусловленными принципиальной невозможностью адекватного воспроизводства идеального содержания вне соответствующего социального пространства.

Семантическая природа символа, аналогично его синтаксической структуре, служит

отражением специфической операции, такой как умножение. Перегрузка оператора изменяет его функциональные характеристики. Каждое поведение в этом контексте воспринимается как совокупность инструкций, формирующих логически согласованный объект. Существование данного объекта определяется корректностью выполнения программы, тогда как его сущность возникает в результате взаимодействия операндов. Символ оператора функционирует как материальный носитель абстрактного содержания, которое выражается через отношение, демонстрирующее природу самого символа [\[17\]](#).

В контексте развития искусственного интеллекта следует подчеркнуть, что попытки построения систем, основанных исключительно на символических манипуляциях, как это наблюдается в традиционных алгоритмических подходах, рискуют игнорировать многослойную сложность человеческого понимания и значимость контекстуальных факторов. Несмотря на то, что такие системы могут эффективно выполнять предписанные алгоритмы и адаптировать поведение в соответствии с заданными критериями, это не обеспечивает им способности к глубокому пониманию или адекватной интерпретации окружающей действительности. В результате возникает вопрос о пределах символической обработки информации и необходимости интеграции более сложных моделей, способных учитывать тонкости человеческого опыта и контекста. Такой подход предполагает переосмысление методов, используемых для создания искусственного интеллекта, с целью разработки систем, которые могли бы адекватно отражать богатство и разнообразие человеческого существования.

Ильенков утверждает, что любое знание, выраженное языком понятий, не является продуктом субъективного опыта, а относится к объективной логике человеческой практики, закреплённой в материальных предметах, социальных нормах и знаковых системах. Таким образом, истинный человеческий интеллект не исчерпывается «внутренними процессами обработки информации», а представляет собой интегративное проявление целостной формы бытия. Эта позиция радикализует концепцию Дрейфуса, который акцентирует внимание на телесности, контекстуальности и социальной укорененности интеллекта, оставаясь при этом в пределах индивидуального опыта. В противоположность этому, Ильенков выделяет универсальные идеальные формы как носители смысла, существующие вне и до возникновения какого-либо отдельного сознания, тем самым подчеркивая их объективную значимость в структуре человеческой деятельности.

Заключение

Исследование трудов Хьюберта Дрейфуса выявляет ключевые ограничения традиционных методов в области искусственного интеллекта, которые опираются на рационалистическую парадигму. Центральным тезисом Дрейфуса является утверждение о принципиальной неформализуемости глубинных структур человеческого мышления. Он показывает, что профессиональное мастерство, интуиция и здравый смысл возникают из эмпирического опыта и не могут быть сведены к строгим правилам или нейронным сетям, которые лишены телесного и социального контекста. Модель освоения навыков, предложенная Дрейфусом, иллюстрирует переход от механического следования инструкциям к интуитивному и ситуативно адаптивному поведению, которое остается недоступным для машин, ограниченных алгоритмической логикой.

Опираясь на идеи таких мыслителей, как Дрейфус, Выготский, Леонтьев и Ильенков, можно прийти к выводу, что редукция интеллекта к алгоритмическим моделям или символическим системам игнорирует ключевые аспекты, такие как социокультурный контекст, телесность, историчность и практическая деятельность.

Выготский акцентирует внимание на социокультурной сущности высших психических функций, утверждая, что интеллект не может быть изолирован от процессов диалога, конфликтов и совместной креативности. Данный подход вызывает сомнения в возможности существования "мыслящего" искусственного интеллекта вне сложной системы социальных и семиотических взаимодействий. Это подчеркивает, что разумная деятельность требует контекста, в котором происходит обмен символическими значениями и социальное взаимодействие, что ставит под вопрос потенциальные пределы и природу ИИ как автономного субъекта мысли.

Леонтьев, углубляя свою теорию деятельности, акцентирует внимание на значении активного взаимодействия с окружающей действительностью в процессе становления сознания. В его понимании, под истинным интеллектом подразумеваются такие аспекты, как целеполагание, мотивация и формирование объектов действия, которые остаются недоступными для алгоритмических систем, не обладающих необходимой степенью гибкости и контекстуальности.

Ильенков концептуализирует мышление как объективное идеальное, которое неразрывно связано с социальными и культурными практиками. Он утверждает, что любое моделирование сознания вне рамок культурного контекста лишено основания, так как идеальное содержание не может иметь автономное существование, изолированное от соответствующего социального пространства.

Таким образом, человеческий интеллект представляет собой сложный и многогранный феномен, глубоко укорененный в социокультурных и исторических контекстах, который не может быть редуцирован до простых вычислительных систем. Формализованные модели искусственного интеллекта остаются экзогенными по отношению к этой целостной сущности, что существенно ограничивает их потенциал для подлинного понимания. В связи с этим возникает необходимость переосмысления методологических основ разработки искусственного интеллекта с учетом уникальных аспектов человеческого опыта, таких как телесность, контекстуальность, креативность и социальная природа разума.

Библиография

1. Dreyfus H. *Alchemy and AI*. Santa Monica: RAND Corporation, 1965.
2. Dreyfus H. *What Computers Can't Do*. New York: MIT Press, 1972. ISBN 978-0-06-090613-9.
3. Dreyfus H., Dreyfus S. *Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in*

the Era of the Computer. Oxford, U.K.: Blackwell, 1986.

4. Kenaw S. Hubert L. Dreyfus's Critique of Classical AI and its Rationalist Assumptions. *Minds & Machines*. 2008. Vol. 18, pp. 227-238. <https://doi.org/10.1007/s11023-008-9093-7>.

5. McCarthy J., Buvac S. Formalizing context: Expanded notes. In: Aliseda A., van Glabbeek R., Westerstahl D., eds. *Computing Natural Language*. Stanford University, 1997. Also available as Stanford Technical Note STAN-CS-TN-94-13.

6. Zhang F. Социальная природа навыков: За пределами модели навыков Дрейфуса. *T&L*. 2023. № 3.

7. Астахов С. Феноменология против символического искусственного интеллекта: философия научения Хьюберта Дрейфуса. *Логос*. 2020. Т. 30, № 2(135). С. 157-193. DOI: 10.22394/0869-5377-2020-2-157-190. EDN: NCHYMV.

8. Вислова А. Д. Потенциал психологии интеллекта в контексте моделирования искусственного интеллекта. *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2019. № 6(92). С. 32-46. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-6-92-32-46. EDN: UXVECH.

9. Витгенштейн Л. Философские исследования. Витгенштейн Л. Философские работы. Москва: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 76-319.

10. Выготский Л. С. Психология развития человека. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.

11. Ильенков Э. В. Идеальное. Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 2. С. 17-28. EDN: KNULYV.

12. Ладов В. А. Критический анализ логико-эпистемологических оснований философии искусственного интеллекта Х. Дрейфуса. *Гуманитарная информатика*. 2013. № 7. С. 28-34. EDN: QCKPDD.

13. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. Под ред. Д. А. Леонтьева. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Смысл, 2020. 526 с.

14. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Санкт-Петербург: Ювента; Наука, 1999. EDN: QWJLFB.

15. Тендрякова М. В. Разум и искусственный интеллект: взгляд культурного антрополога. *Образовательная политика*. 2024. № 3(99). С. 22-30. DOI: 10.22394/2078-838X-2024-3-22-30. EDN: FIJOIW.

16. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва: Ad Marginem, 1997.

17. Чибисов О. Н. Проблема сильного искусственного интеллекта в философии Э. В. Ильенкова. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2024. № 4(44). С. 167-175. DOI: 10.24151/2409-1073-2024-4-167-175. EDN: VSZXEZ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Обращение к творчеству Х. Дрейфуса выглядит сегодня как никогда актуальным, более того, вряд ли можно ошибиться, предположив, что с каждым годом оно будет становиться всё более актуальным. Дело в том, что Дрейфус размышлял о «сущностной ограниченности» «искусственного интеллекта» и о том, какие аспекты мышления и деятельности человека становятся для нас более понятными, когда мы сравниваем его с ИИ. В целом статью можно оценить как добротное переложение основных идей и аргументов Дрейфуса, автор вполне компетентно рассказывает читателю о том содержании работ американского философа, которое представляется ему сегодня самым значимым. Собственно, единственное замечание, которое можно сделать в этой связи,

состоит в том, что автор, кажется, излишне обостряет критическую позицию Дрейфуса относительно возможности создания «полноценного искусственного интеллекта». Не приходится сомневаться, полагал американский философ, что в качестве именно «искусственного» интеллекта он может совершенствоваться неограниченно долго. Единственное, на что стремился указать американский исследователь, так это на то, что всегда сохранится «граница» с «человеческим интеллектом», что, соответственно, крайне ограниченным остаётся то понимание «человеческого интеллекта», которое сводит его деятельность к последовательности алгоритмических операций. Но такое понимание до сих пор господствует в западной, особенно, в американской, философии! И с этой точки зрения открывается главный недостаток рецензируемой статьи: мало того, что автор лишь «сочувственно излагает» взгляды Дрейфуса, в формировании своего отношения к рассматриваемой проблеме он вообще не выходит за границы тех источников, которыми пользовался и Дрейфус! Возникает впечатление, что это взгляд на Дрейфуса «глазами самого Дрейфуса», например, глазами его собственного ученика. Странно, что подобные работы появляются в отечественной культуре, которая имеет более разносторонний опыт изучения человека и его мышления, не ограничивающийся «аналитической философией» или весьма узко понимаемой «феноменологией». Если для адептов этих движений положение, что «мыслит» только человек, порождённый определённой культурой и включённый изначально в социальные отношения, может быть, и вправду выглядит парадоксальным утверждением, то и для русской философской традиции, и для западноевропейской классической философии мысль о человеке как социально-историческом существе, мысль о разуме как способности, которая актуализируется лишь в определённой социально-психологической среде, является скорее «общим местом» (без негативного оттенка этого выражения), исходным пунктом размышлений о том, чем же является человек, его разум, и как ему следует использовать ИИ, пределов совершенствования которого сегодня никто указать не может. И вот в этом отношении Дрейфус – как человек, который даже из тенет американской пропитанной натурализмом философии видит проблематичность ИИ как «замены человеку» – представляет настоящий интерес. Таким образом, рецензируемый материал – это, скорее, лишь начало статьи, необходимо выйти за границы того горизонта, который был доступен американскому исследователю, и посмотреть на его тему с более «органичной» точки зрения русской и западноевропейской культуры. (Только одно конкретное замечание в этой связи – как можно в рассмотрении этой темы обойтись без обращения к Выготскому, Леонтьеву, Ильенкову?) Возможности для продолжения работы в том направлении у автора имеются, поскольку и объём материала является небольшим (0,6 а.л.), и список используемой литературы может быть значительно расширен за счёт источников, преодолевающих горизонт аналитической философии или феноменологии. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена критическому анализу философских взглядов Хьюберта Дрейфуса на проблему искусственного интеллекта. Автор подробно рассматривает аргументацию Дрейфуса против возможности создания полноценного ИИ, основанную на феноменологическом подходе и критике рационалистической традиции. Центральным объектом исследования выступает философское обоснование положения о принципиальной неформализуемости человеческого мышления и невозможности редукции интеллекта к алгоритмическим процессам.

Методология исследования

Автор использует комплексный методологический подход, сочетающий историко-философский анализ, компаративистику и систематизацию. В статье прослеживается эволюция взглядов Дрейфуса в контексте его основных работ ("Alchemy and AI", "What Computers Can't Do", "Mind Over Machine"), проводится сопоставление его идей с концепциями других философских традиций, в частности, с отечественной культурно-исторической школой (Выготский, Леонтьев, Ильенков).

Методология включает критический анализ онтологических и эпистемологических оснований теорий искусственного интеллекта через призму феноменологической традиции. Особое внимание уделяется реконструкции пятиступенчатой модели освоения навыков Дрейфуса (от новичка до эксперта) как инструмента обоснования ограниченности алгоритмических подходов к моделированию интеллекта.

Актуальность

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, современное развитие технологий ИИ и их стремительное внедрение в различные сферы человеческой деятельности требует глубокого философского осмысления их природы, возможностей и пределов. Во-вторых, вопрос о соотношении человеческого и машинного интеллекта выходит за рамки чисто технических проблем и затрагивает фундаментальные онтологические и антропологические вопросы.

Особую актуальность работе придает включение в анализ идей отечественной философской традиции, что позволяет расширить контекст дискуссии и предложить альтернативный взгляд на проблемы ИИ. Кроме того, в условиях бурного развития нейросетевых технологий критический анализ философских оснований традиционных подходов к ИИ приобретает новое значение.

Научная новизна

Научная новизна статьи заключается в систематическом сопоставлении феноменологической критики Дрейфуса с положениями культурно-исторической теории деятельности. Автор не только реконструирует аргументацию Дрейфуса против формалистских подходов к ИИ, но и предлагает более широкую теоретическую рамку для анализа проблемы, интегрируя идеи Выготского о социальной природе высших психических функций, Леонтьева о деятельностной природе сознания и Ильенкова об идеальном.

Новаторским является анализ четырех фундаментальных априорных постулатов, лежащих в основе исследований ИИ (биологический, психологический, эпистемологический и онтологический), и демонстрация их ограниченности с позиций как феноменологической, так и деятельностной парадигм.

Стиль, структура, содержание

Статья написана в академическом стиле с использованием профессиональной философской терминологии. Текст отличается логической стройностью и последовательностью изложения, что свидетельствует о высоком уровне теоретической подготовки автора.

Структура работы включает введение, основную часть, состоящую из нескольких тематических блоков, и заключение. Автор последовательно рассматривает основные положения философии Дрейфуса, его модель освоения навыков, критику редукционизма в концепциях искусственного разума, а затем переходит к анализу альтернативных подходов, представленных отечественной философской традицией.

Содержание статьи отличается глубиной проработки материала. Автор демонстрирует отличное знание не только работ Дрейфуса, но и более широкого философского контекста, включая феноменологическую традицию (Хайдеггер, Мерло-Понти), аналитическую философию (Витгенштейн) и отечественную философию сознания и деятельности.

Особо следует отметить тщательный анализ пятиуровневой модели освоения навыков Дрейфуса, которая представлена не только как инструмент критики редукционистских подходов к ИИ, но и как самостоятельная концепция, имеющая значение для понимания процесса формирования человеческого мастерства.

Библиография

Библиографический список статьи включает 17 источников, в том числе классические работы Дрейфуса, труды других философов (Хайдеггер, Мерло-Понти, Витгенштейн), работы представителей отечественной философской традиции (Выготский, Леонтьев, Ильенков), а также современные исследования по данной проблематике.

Список охватывает как первоисточники на английском языке, так и русскоязычные публикации, что позволяет соотнести различные исследовательские традиции. Библиография включает как классические работы, так и современные публикации (вплоть до 2024 года), что свидетельствует о внимании автора к актуальному состоянию исследований в данной области.

Оформление библиографии соответствует академическим стандартам и включает все необходимые библиографические элементы (авторы, названия, выходные данные, DOI и др.).

Апелляция к оппонентам

Автор статьи демонстрирует сбалансированный подход к рассматриваемой проблеме, учитывая возможные контраргументы и ограничения критики Дрейфуса. В частности, отмечается, что "критика Дрейфуса в значительной мере сосредоточена на символических методах, применяемых в области искусственного интеллекта", в то время как современные подходы включают "гибридные интеллектуальные системы, которые объединяют символическую парадигму с альтернативными подходами".

Кроме того, автор указывает на "эпистемологический парадокс" в аргументации Дрейфуса, который, критикуя приоритет теоретического мышления над практическим, сам опирается на формально-логическую аргументацию. Это свидетельствует о

критическом отношении автора не только к объекту исследования, но и к собственной методологии.

Также отмечается, что скептицизм Дрейфуса обусловлен как его философскими убеждениями, так и историческим контекстом его деятельности, что делает некоторые его аргументы "излишне категоричными" в свете современных достижений ИИ.

Выводы, интерес читательской аудитории

Заключение статьи представляет собой обобщение основных положений исследования и формулировку ключевого вывода о том, что "человеческий интеллект представляет собой сложный и многогранный феномен, глубоко укорененный в социокультурных и исторических контекстах, который не может быть редуцирован до простых вычислительных систем".

Статья представляет значительный интерес для широкого круга специалистов: философов науки и техники, исследователей искусственного интеллекта, когнитивных психологов, а также для всех, кто интересуется философскими аспектами современных технологий. Особую ценность работа имеет для междисциплинарного диалога между представителями естественнонаучного, технического и гуманитарного знания.

Автор убедительно демонстрирует необходимость переосмысления методологических основ разработки искусственного интеллекта с учетом уникальных аспектов человеческого опыта, таких как телесность, контекстуальность, креативность и социальная природа разума, что делает статью не только теоретически значимой, но и практически ориентированной.

Исследование вносит важный вклад в понимание философских оснований искусственного интеллекта и может служить теоретической базой для дальнейшего развития междисциплинарных исследований в этой области.